

Максим Осипов

Риголетто

трагедия вежливости

Просторная комната, вся обстановка которой состоит из нескольких стульев. На одном из них расположился Феликс Гамаюнов, нарядно одетый немолодой человек. Он изучает «Двенадцать заповедей анонимных алкоголиков».

ГАМАЮНОВ (*прерывает чтение, оглядывает собравшихся*). Пью. Все, что горит, пью. От парфюмерии до горюче-смазочных. Пробовал нефть, правда. Чистая. Девяностошестипроцентная правда.

(*Возвращается к заповедям.*) «Без страха пытаюсь в себе разобраться. Готов делиться приобретённым... приобретённым духовным опытом с товарищами по несчастью. Вверяю жизнь свою Господу, как каждый из нас понимает Его. Помню о тех, кого я обидел, кому причинил зло».

Кого я обидел-то? Никого. За целую жизнь ни с кем не поссорился, слова резкого не сказал. Диагноз: патологический альтруизм. (*Проводит рукой по шее.*) На почве этого самого... И справка имеется. Свежая.

Доктора, может, они и не против помочь, только ужасно заняты. (*Указывает на соседнее помещение.*) Этот, как его? — руками разводит: — У меня, к великому сожалению, теперь нету времени на вашу историю. Но! — какое сегодня число? Правильно. Вон — соседняя дверь — анонимные алкоголики. Дуйте, мол, к ним, не смею вас больше задерживать. Ни минуты. Алкоголики — народ понимающий. Им и расскажете ситуацию.

Курица несет яйца, а врач ответственность. — А ты, Гамаюнов, — скажете, — ахиною несешь. Пожалуйста, мне без разницы. Говорите, что хочется. Только выслушайте сперва. А то — живешь себе, день за днем. Смотришь, что у других: типа — да ладно вам, какая еще трагедия? Что, третья мировая? Я легко чужие

От автора | Исповедь альтруиста, каких поискать, монолог шута, трагедия вежливости — согласен на любое жанровое определение. Я, слава Богу, не драматург, сочиняю рассказы и повести, иногда, впрочем, пьесы пишу, их даже играют изредка — в театре, точнее — на театре, так правильно. Но «Риголетто» не пьеса, потому хотя бы, что «Знамя» пьес не печатает. И потом: в настоящей пьесе есть сверхзадача, драматические события, сквозное действие, второй план — ничего подобного в путаной речи Феликса Гамаюнова, помеси двух мифологических птиц, сына полуеврейки и подполковника, воспитанника секретного свиноплеменника, нет как нет. Есть, разумеется, предлагаемые обстоятельства, но они формулируются очень коротко — запах жженой резины: чтобы услышать его, достаточно поговорить с продавщицами в магазине, с людьми на улице, с соседями по купе, а лучше всего — телевизор включить. За своим героем я записывал летом четырнадцатого, запах с тех пор не выветрился, и, хоть форточки остаются открытыми, жженой резиной с каждым месяцем пахнет сильней. Главное: когда Феликс, отнюдь не железный, свалится наконец, не бросаться его поднимать. Разве он нам родной?

несчастья воспринимал. Особо даже не обращал внимания. А тут... Второй день — хожу, качаюсь уже. Как молочный зуб. Того гляди — ап! — и выпадет.

Граждане! Я среди вас новенький. Уважаю устав, правила. Готов вступить в ряды Общества, буду взносы платить. А не примете, куда мне отправиться? На вокзал? В зоосад? Между прочим, сам ни в одном глазу. Как стеклышко, с позавчерашнего. (*Нюхает воздух.*) Некоторые, чувствую, успели уже... позавтракать. (*Испугавшись.*) Не обижайтесь, пожалуйста: нюх очень развитый, да и... люблю пошутить.

Так вы послушаете, выслушаете меня? (*Убеждается в том, что его готовы слушать.*) Спасибо, спасибо, товарищи.

Пауза.

Профессия: специалист. Жена. Дочь, как говорится, красавица. «Сердце красавицы склонно к изме-е-не...» — знаете песенку?

На телефон Гамаюнова приходит сообщение. Он быстро прочитывает его, разочарованно прячет телефон в карман.

Опять потащила в церковь. А? Нет, не дочь. Если бы...

Вот ситуация. Супруга моя, Люсенька Гамаюнова, урожденная Зверева. Темперамент у Люсеньки, как фамилия, — холерический, боевой. Если включилась, будет кипеть, пока вся не выкипит. По врачам ходить любит, за здоровье свое беспокоится. Образовался узел в груди. Я, между прочим, заметил первым. То-сё, анализы. — Не волнуйтесь, — говорят, — женщина, ничего у вас страшного, никакой онкологии. Ладно. Потом: — Ой, уже третья стадия, давайте под нож. Отрезали грудь, печень глянули: ба, да не третья, четвертая. Она же последняя стадия. Напрасно, выходит, делали операцию. Уже интересно, да? Стали вводить химию, не попали в вену, пришлось руку резать. Вот картина: правая рука висит — грудь отрезали, левая не работает из-за химии. Хорошо хоть, голову мыть рук не требуется, волосы выпали. Химия, химия... Удивительно что? У родителей рака не было. Сама ни одной сигареты не выкурила. Врачи говорят: сглазили. Так и сказали, серьезные люди, профессора, заслуженные деятели не знаю чего, светила, опинион-лидеры, определили: сглазили. В церковь ходит теперь. Вот и сегодня. Видели очередь? Мощи какие-то высокоэффективные завезли. Меня вот в церковь не тянет, нет. Не в чем каяться. Совесть чистая, это у нас наследственное. По мужской линии. А Люся скоро в поездку поедет, в паломническую. По святым местам прошвырнуться. Ничего, я считаю, пусть. Все теперь в Бога верят. Вот и на деньгах пишут: ин год ви траст, обращали внимание? Мол, на Бога надейся... Все правильно.

А хороша была Люська! Вроде и не совсем дура. Да и я тогда был недурён. В институт пришла поступать, а там я такой на билетах в приемной комиссии. Сижу, абитуриенток разглядываю. Студент четвертого курса, небожитель практически. Пиджак у меня был вельветовый. Неудачный билет, помог поменять. Ох и аппетитная была Люсенька! Грудь, пфф... вообще ни у кого такой нет. Както, знаете, само сделалось, я в тот момент настроен был на брак с простой девушкой. Капитанская дочка. Папашу ее капитаном Зверевым звали. Милое дело жениться на дочери военнослужащего. Чтоб его тут же куда-нибудь перевели, с глаз долой. Так и вышло — перевели. Не его одного. Ограниченный контингент, Афган. Так что Люська моя сирота. Наши четыре аула спалили за капитана и три кишлака. Отомстили за Зверева.

Правильно говорят: враги человеку — ближние. Но! Любите врагов своих. А что делать, если, как у меня, например, нету врагов? Разве что вправду — ближние. О чем я? Ах, да...

Сердце красавицы... Вот привязалось. Не помните, кто написал? Да не музыку, а слова. К музыке я испытываю безразличие. Некоторые только вещи нравятся. Траурный марш. Симпатичное произведение. Могу, допустим, послушать орган. Скучно? Разумеется, скучно! Ужасно! Но — все-таки. Вещь. А сказать, почему столько народу орган слушает? Чувство, что культуру хаваешь ложками. Это вам не скрипочка: выходит какой-нибудь Яша чахоточный (*напеваает начало ми-минорного концерта Мендельсона*) — «Ах, Мойша, настали плохие времена...». Частный случай. А тут: звук, много звука! В чистом виде — культура. Даже не ложками. Ведрами. Кто на клапанá нажимает, неясно. Когда уже музыка кончится, тетя выплывает с огромной попой. Я таким тетям не хлопаю. И в театре — не люблю, когда кланяются. Неужели нельзя потерпеть, не устраивать?.. Только померли, и пожалуйста: стоят, покойнички, взявшись за руки. Дешевка. Для отрицательных типажей: глядите, не такой и мерзавец, как кажется. Опять же — успокоить граждан, склонных к отчаянию: да жива она, твоя красавица. Отец, не переживай.

Что там было про тестя, про Зверева? Я его и не помню уже. А на тещу свою, как увижу, ору, так просто, для профилактики. Задолбала потому что вопроса-ми. Лучше про своих родителей расскажу.

Вот папаша. Назвал меня Феликсом. Хорошее имя, да? Уж, наверное, не в честь Мендельсона, чтоб ему... (*Напеваает «Свадебный марш».*) Там-там-та-та-та-та-там... Феликс — счастливый, удачливый. Откуда папаше слышать про какого-то Мендельсона? Всю жизнь колхозником... Животноводческий комбинат, свинокмплекс, почтовый ящик такой-то. Забыл уже номер, да это, я думаю, до сих пор секрет. П/я — понимаете? Пе — дробь — Я. Дочурку свою Лину — Ангелина, Линочка, дочь моя, единственная, кровиночка — спрашиваю: что такое «работать в почтовом ящике»? Не знает. А кто такие были лимитчики, как ты думаешь? Тоже. Тоже нет. А законы этой самой, как ее? — диалектики? Ист-мат-диамат. Три составные части, три источника. Их вообще надо помнить, как «Отче наш». Помнит кто-нибудь «Отче наш»? Я, честно сказать, нет.

А служил-то папаша не где-нибудь. КГБ СССР! Подполковник, не шуточки. На стол Председателя, самого главного, по пять поросят поставлял ежедневно, молочных, проверенных. И в выходные, и в праздники. Не сидеть же начальству без мяса, оттого что дали трудящимся отдохнуть. Вот вам и диалектика. Сорок тысяч голов скормил папочка родным Органам. Встанет посреди загона в резиновом фартуке, руки раскинет — вот так. «Привести в исполнение. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит». У нас и порода существовала особая, называли андроповской. Порядок на свинокмплексе идеальный был: желуди импортные, итальянские, от них совершенно другое амбре. Тоскана, Монтепульчано. Каждый поросенок жил, как наследный принц. И то, между прочим, туда, к Председателю, посылали только достойнейших. Медицинские карты, прививки, анализы, паспорт здоровья — полная документация. Поросяткам звания присваивали. Лейтенантов младших, в предвкушении дембеля.

Все у нас было в истории — шикарно, величественно, да чего уж там?.. Возникали, конечно, трудности по причине разных... ЛГБТ. Но мы решали их, находили выходы. Власть — права, ясно вам? Так было, так будет. Всегда, правильно. Вся власть от Бога. Что это значит? А то и значит. Правильно церкви ломали, и молодцы, что обратно построили: время разбрасывать камни, время их собирать. Демократический централизм. На кого обижаешься, сука? На партию?! Людей наказывали не просто так. Не совершайте преступлений, и вы не будете

сидеть в лагере. Папка мой любил повторять. И прекрасно, что повыпускали потом. Мы же не звери какие-нибудь. Отлично все было, а сейчас-то как хорошо! *(Напевает.)* С возвращеньем двуглавых орлов / Продолжается русский язык! / Москва! Умремте ж под Москвой! А нынешнюю нашу власть, ее любить не так и сложно. Вы попробуйте, только попробуйте!

Надевает георгиевскую ленточку.

Кто не носит такую — тот за фашистов и пидарасов. А значит, и сам пидарас. В плохом смысле. Предатели. Гомосятина. *(Снова поет.)* Москва! Умремте ж под Москвой!

Короче. Отец на заслуженной пенсии. В последние годы опять у нас вспомнили про ветеранов специальных служб: поздравляют с профессиональными праздниками, приносят поздравить. Туловище у папаши крепкое, а голова — того. Как у Ленина. Бормочет: — Делай что должен, и будь что будет. Где-то услышал, наверное. Мамочка недосмотрит — делает под себя. Будь, мол, что будет. Погулять его выведем, он наденет матросскую кепочку, белую, козырьком назад, ходит кругами, бубнит: — Делай что должен, и будь что будет. Пьет только водичку сладкую: — Феликс, миленький, тархунчику притащи. Потребляет его канистрами: у него уже тархунчик этот носом идет. Струйкой зелененькой. Обхохочешься. Раньше любил про высокое, про геополитику, прошлое вспоминал. — Что, папа, — бывало спрошу его, — не стыдно за то, как с мамой-то получилось? — Нет, — отвечает. — Я же сам от этого пострадал. Это теперь: разводить не хочу, а тогда, знаешь, как меня отымели? Всем свинокомплексом. Из партии чуть не вычистили. — Выходит, совесть тебя ни за что не грызет? — Нет, сынок, не по зубам я ей, не грызет.

Я ребенком в деревне жил. Идиотизм деревенской жизни. Природу вообще сильно переоценивают. Жили-то за колючей проволокой. А как же? Секретный объект. Не такое уж было оно босоногое, детство мое. Да и свинки, как ни ухаживай, а попахивают. С мамой потом перебрались сюда. Тут-то воздух куда как свежей. — Хоть в нормальной школе, сынок, поучисься. Она Давыдовна у меня. На самом деле — Давыдовна. Так что я на четверть, на ноль двадцать пять... ну, вы поняли. Опять же, как вождь мировой революции. Раньше особо не афишировал, но теперь это вроде в порядке вещей. — Феликс, скажи, — теща все доставала меня, — правду ли рассказывают про вашу нацию, что между вами флюиды какие-то? — Откуда мне знать про флюиды? Ведь я четвертинка, ноль двадцать пять...

Очень мамочку мою беспокоило ее отчество. Папе оно сильно испортило служебный путь. Они с мамой и разошлись, когда с этим делом опять появились строгости. Толку-то. Так в полковники и не произвели. — Как бы, сынок, у тебя тоже неприятностей не было из-за меня, — мамочка все беспокоилась. Теперь-то чего? — на пенсии, снова вместе живут. Всякое было: в школе сначала, уборщицей, потом при буфете, в театре, нет — на театре, так правильно. Дразнили ее и лимитчицей, лимитой... Не говоря уже про «Давыдовну». Было всякое, да... Жили как-то. Тем более что мясца нам папаша подбрасывал. Вот такая она, моя мамочка.

Грудью кормила меня до трех с половиной лет. Молока у нее было — бидонами. Хотя я на аппетит особо не жалуюсь, однако всего не съедал. Поросенка держали, не из этих, не из андроповских, выливали ему. — Гляди, сыночек, вон твой молочный брат побежал. Да, с братом нас жизнь развела... Другим он путем пошел, брат...

А мамочка на старости лет большой демократкой заделалась. Для нее, для мамуленьки, у меня и такая вот есть.

Надевает белую ленточку.

Кто здесь власть?! Не забудем, не простим! Тоже мне. Забудем. Уже забыли. Испугали ежа, называется.

Слышит в последнее время неважно, зато осмелела мамочка: потопала прошлой зимой на марш. Хорошо хоть, товарища подполковника дома оставила. Звонит нам, докладывает: — Я только не поняла. Кто такой Печёнкин? — Не знаю, мамуль, никакого Печёнкина. — А чего ж мы кричали: «Свободу Борису Печёнкину»? — Это они, пап, «Свободу политзаключенным!» кричали, — дочурка моя додумалась, Линочка. Ходит на митинги, моя девочка.

Демократия ужасна, но лучше ничего не придумано! Пфф... Сломаешь язык. Взгляды ваши — отстой, но я жизнь отдам, чтоб вы... что-то там. Ну, вы знаете.

(Обращается к немолодой женщине, которую уже долгое время разглядывал.) Женщина, я не вас той зимой на Энгельса подбирал? *(Окружающим.)* Траса скользкая, еду медленно. Вдруг почти под колеса мне — женщина. Вышел, поставил на ноги, отряхнул: — Не ушиблись, женщина? А она два шага́ сделает, снова — шлеп. Хочу ей помочь — глядит на меня вот так вот: — Шел бы ты... Сама — в хлам. Думаю: пусть уж как-нибудь... Не сажать же такую в салон. Хорошо, что все обошлось. *(Женщине.)* Рад видеть вас в относительно добром здравии. Вы давайте внимательней...

Теперь у всех почти ленточки. К примеру, на службе... Я сейчас в нефтегазовом комплексе. Тружусь — громко сказано. Так, консультантом, советником. На карточке просто написано: специалист. Финансы, то-другое, строительство. Частно-государственные партнерства, софинансирование. Программа освоения новых земель. Денег, извиняюсь, хоть попой ешь. Всякое было в моем восхождении по служебной лестнице... Да и, чего уж там, папочка мой помог, пока у него порядок был с головой. Через спорткомитет. В принципе, одно ведомство. Даже структура, где мы находимся *(обводит рукой помещение)*, тоже, мне кажется, — вот это всё. Приду раз в неделю, что-нибудь посоветую вежливо, так и так никому дела нет, да и что стоять у людей над душой? А условия хорошие, можно даже без галстука. Но я уже как-то привык. Звали министром, я — пас. Федеральный министр. Конечно, значительные возможности... — Что же ты, Феликс, от денег таких отказался? — спрашивают. А я не отказываюсь от денег, я от работы отказываюсь. Не люблю неприятных вещей. Если б сенатором... Дочка придумала: пчелы работают в темноте, добродетель в молчании, а папа мой вообще не работает. Ничего, живем-поживаем, не бедствуем.

Звонит телефон.

(В трубку.) Рома, миленький, товарищ генерал-лейтенант... Ром, я ж сказал: пропала, уехала. Знал бы, куда... Сообщи, если какие новости. *(Прекращает разговор.)*

Да, живем... И в чем, спрашивается, трагедия? Будет трагедия. Вернее, уже была, маленькая. Вчера. Маленькая трагедия. А большая случится, похоже, прямо сейчас. Вчера маленькая, сегодня большая, а вот позавчера никакой трагедии не предвиделось. Сплошное веселье было позавчера.

Снова звонит телефон.

(В трубку.) Наш, Рома, наш. Ну, конечно же, Феликсовна. Ромочка, проверь, каким рейсом... Как там у вас? — пробей. Именно. *(Сердится.)* Найди ты мне их! Что же я должен-то объяснять? Почему на ...? *(Растерянно смотрит на телефон, задумывается.)*

Вот, значит. Позавчера... Собирались мы с одноклассниками. Годовщина классной руководительницы. Не повод расстраиваться, она нас терпеть не могла. Заодно — сколько-то лет окончания. Бабы за такими вещами следят. Кое-кто не явился. Пренебрегли светлой памятью педагога, дружбой с товарищами. Не будем, говорю, думать о людях плохо: может быть, тоже померли? Возраст-то уже угрожаемый.

Ресторан. Все свои. На всякий случай надел обе ленточки. Мол, дух времени. — Шут ты, — говорят, — Гамаюнов, гороховый. Ох, дошутишься. — Ладно, ребята, до чего я там дошучусь? Лялик-дружок шепчет: — Чувак, колорадку сними. *(Снимает георгиевскую ленточку.)* И эту тоже. Рома заметит, зачем тебе? *(Снимает белую ленточку.)* Рома башляет за все удовольствие. Силовые структуры, генерал-лейтенант. Рому лучше б не обижать. У него, кстати, вертушка имеется — вертолет, в смысле. Собственный.

Краснушкина, сколько лет... — как ни в чем не бывало за галстук подергала: — Гамаюныч, жучара помпезная, кто же так наряжается на суаре? — И ты туда же? Думаю: ладно, покладистость — моя сильная сторона. *(Снимает с себя и галстук.)*

Выпили-закусили. В пределах, конечно, друзья мои: культура питья. Лялик вдруг: — Власть у нас, — заявляет, — говно! Да и население, положила руку на сердце, на троечку с минусом. Согласно статистике, девяносто процентов гопники. Мы тоже не сахар, но лучше ведь? Стараемся, пробуем. Делай что должно, и будь что будет. Однако с таким человеческим материалом... Вот у меня — двадцать пять изобретений и сто двадцать пять патентов, — или наоборот? — а сколько из них, спрашивается, внедрено? Ноль целых и хрен десятых. Намеревался, — рассказывает, — руки на себя наложить, записку оставить: «В смерти моей виноват наш великий народ». Участь многих новаторов. Передумал потом. Выпьем, — предлагает, — за мафию. За мафию честных людей. За порядочность. За нас с вами. За класс за наш. — Потом, когда еще приняли, оттащил меня в сторону: — Старичок, мне уже всё вот здесь. Политика, бабы... В сухом остатке только внуки у меня да футбол. А у тебя? — Что может быть у меня? Смешной ты, Лялик, нам сколько еще? — шесть, нет, пять уже лет до пенсии.

Тут Рома меня по плечу — хлоп! — Рома, йо, Крым наш! — Вот с тобой, Гамаюнов, я бы в разведку пошел. — А ты меня, Рома, случайно ни с кем не путаешь? Это папа мой, животновод, был разведчиком. — Перетерли и с Ромой. Его тоже многое не устраивает. — Ты, Рома, ведь оптимистом был. Слышал про наполовину полный, наполовину пустой?.. — Тут дело такое, — отвечает Рома, — вы просто всего не знаете. А про стакан... Пока наполняешь, кажется: наполовину полный. А как начинаешь опустошать... Возраст. Всех денег не заработаешь. — Даже Ромочка стал философом. — В общем, желаю вам, — поднимает рюмку, — чтобы разные, дамы, простите, чмошники к вам даже не приближались. — Рома знает, чего пожелать, он же у нас в полиции, в службе собственной безопасности. — Почему мы, — спрашивает, — о грустном всё? Кое-что лучше становится в наши дни. — Ага. — Краснушкина губки красные ядовито сложила так: — Что же именно? — Рома загадочно улыбается, как папа мой, когда надует в штаны: — Правила полетов упростились чрезвычайно. Раньше чуть не за неделю приходилось маршрут согласовывать, а теперь: наберу — и пожалуйста, коридор.

Сидим перевариваем информацию. — Понятно. А мы, — спокойненько так произносит Краснушкина, — с мужем замок приобрели. Под Бордо. — Замок? Правда, что ли? — Не замок, так, шатле, замочек. Приезжайте, ребята! Очень нужны рабочие руки. — Ай, думаю, Краснушкина, молодца! Есть еще пудра в пудренице!

Хороший в итоге выдался вечерок. Песни попели. Позитивно так. Люблю позитив. Ведь кругом — негатив сплошной, кого ни послушаешь.

Пауза.

Вот так вот. Позавчера. А вчера... Просыпаюсь — Лина сидит, дочь моя, в сапогах... Но пока что про ресторан.

С этим, природоведением, получилась история! По стенам цветы. Запах тонкий, особенный. — Рододендрон? Магнолия? — Бугенвиллея! — выкрикивает Краснушкина. Так пахнет каждой весной в Бордо. — Ладно, давайте, олимпиада по биологии! Мозговой штурм. — Калерия! Амброзия! Молочай! — Зовем официанта, был там один, улыбчивый, с поросячьими глазками. — Дружище, у вас тут цветы... — Ах, эти. Искусственные. Надоели уже. Скоро ребрендинг нам сделают. Обещали. — Ребрендинг? — Ну да. Небольшой, щадящий. Только обещанного, сами знаете... — А что за... амбре? — Улыбается: — Были вчера посетители, отдыхали всю ночь. Испортили тут нам, хе-хе, инвестиционный климат. Но мы почистили. Спрыснули освежителем. — Ясно. Облажались. Опять. Мы ржем, а Лялик расстроился: — Одни только ложные представления. У всех поколений были иллюзии. Но что-то и героическое. А у нас — освежитель воздуха. Феликс, что нам делать, скажи? — Лялик, живи футболом! Есть кому Лялика отвезти? Все, пора. — Пойдем, — говорю, — Краснушкина, провожу тебя. — Ну пойдем. Давно, наверное, не катался-то на метро?

К ней поехали. Здорово вышло с Бордо! Ясное дело, наслушалась... чудиков. Когда-то сдуть норовили, Краснушкина у нас была умница, о-го-го, а теперь у них звездочки, изобретения, вертолет. И чего я на Люське женился? Мне ж Краснушкина нравилась. Не было б Линочки...

Едем. Она: — Как родители? — Живы. Что еще можно сказать? — Про моих, — говорит, — не скажешь и этого. — Да, жалко. А что сейчас делаешь? — За экологию она борется. Свяжи свитер — спаси пингвина. — А у тебя, Феликс, какая выработалась жизненная философия? — Какая может быть философия? Думать стараюсь поменьше о разных вещах. А... — аккуратно пробую выяснить, — что семья, муж? — Какой там муж... Обнял ее, уже на выходе, на эскалаторе, она на ступеньку выше стояла. — Феликс, может, не надо? В одну реку дважды не вступишь. — Не знаю про реку, а на грабли одни и те же можно наступать без конца. — Развеселилась Краснушкина, умею я с женщинами.

И чего я тогда не женился на ней? Очень она меня, видно, достала этим своим — добивайся чего-то, нервничай... Не сама даже, а друзья ее, музыканты, артисты — компания. Подполье культурное. Андеграунд. Ну, знаете... Я с тех пор к культуре... того. — Это читали? Тó слушали? Забодали, честное слово. Сидите уже в котельных своих, пускайте пар.

В общем. Прибыли. Пересечение Луначарского и черт знает кого. Анус мунди, как говорит моя Линочка, то есть дыра страшнейшая. Коммуналки, оказывается, до сих пор. Лифт не работает, в парадном кошками пахнет, Бордо то еще. У Краснушкиной туфля то одна, то другая падает. Чувиха взволнована, но в целом так бодренько шлепает вверх. Задыхаюсь уже, мне б постоять. Долго, долго еще? Из последних сил догнал ее, обнял. — Пошли, — шепчет, — пошли. Но не отталкивает, поддается, даже зажмурилась. Стал за грудь ее трогать. — Давно, — спрашиваю, — маммографию делала? — Тут глаза у Краснушкиной открываются: — Ты, Гамаюнов, совсем идиот? Никогда в лучшую сторону не отличался, а теперь, и вовсе, видать, охренел! — Не стану же я ей про Люську. — Вдогонку мне: — Спасибо, что проводил, мерси! Даже не «охренел», еще сильнее вырази-

лась, всегда была по этой части специалист. Такие слова, я считаю, не красят женщину.

Ладно, чего уж там? Тьфу. Плюнуть и растереть. Плюнуть можно. Однако же — не на всё, не на всё... Есть такое, что ни при каких обстоятельствах...

Пауза.

Во-от. Начинается интересное. Дочка замуж выходит. Сегодня. За химика. Ага, Менделеева. Только вчера узнал. Скажете: — Вот уж не думали, Гамаюнов, что ты безумный папаша такой. — Безумный, да? Так вам кажется? — Не желаешь ли ты, чтобы Линочка твоя, Ангелиночка, осталась одна, как какая-нибудь Краснушкина? И потом: почему ты не в загсе, не в ресторане, а с нами тут прохлаждаешься, с анонимными алкоголиками? — А потому что гости на свадьбе на этой — только со стороны жениха. Не поняли? Естественно, вы не поняли.

Достает из бумажника фотографию маленькой Лины.

Девочка моя... Последнее поколение, выросшее без памперсов. Мне подыматься с утра, я работу тогда почти каждый день посещал, Люся покормит Линочку, принесет к нам в кровать, повожусь, поиграюсь с ней, пока она на меня не пописает, тогда уж хочешь не хочешь — вставай...

Теперь только и вспоминать... Когда Линочка родилась, подумал: все, что было со мной, оно и нужно было для Линочки, для нее для одной. Никогда ничего похожего не испытывал. Ни к маме, ни к Люсе своей, ни к Краснушкиной.

Оберегал ее от всего, защищал. В поликлинике, детской, прививку Линочке ставили. — Не бойся, — успокаиваю ее, — доченька. — А сам весь дрожу. — Пап, да я не боюсь! Шприц — таким только поросят прививать. Тише, испугаете мою девочку! А без уколов никак? Существуют же порошочки, сиропчики...

С характером была девочка... Дружила только с мальчишками. Из сада ее забирал: — Кто физиономию тебе разукрасил, Линочка? — Длуг. — И как же, — спрашиваю, — зовут его, друга твоего? — Обсянников. — Обсянников? Не бывает такой фамилии. — Слушай, папа, кто ходит из нас в детский сад? Ладно, Обсянников. (*Слушателям, сидящим близко.*) Вон там, на задах, сидит этот самый «Обсянников». (*Громко.*) Гамаюнову Линочку помнишь? Всё, прозевал! Вот так вот — весь детский сад — Обсянников да Обсянников. В школу в одну с ним пошла, в первый класс. — С кем посадили? — Да с этим, все с этим же, ну чего ты пристал? Увидела, значит, как фамилия пишется... С характером девочка...

Школа престижная, экономический класс, медаль. Все двери распахнуты. Выбрала стратегический менеджмент. Самое перспективное. Я подсказал. Красный диплом, естественно. Фирма из лучших: офис с перегородками, все сидят у компьютеров, друг на дружку стучат. — Что, Гамаюнова, — спрашивает начальник, — не нравится? Фирма элитная, устроиться тяжело, зато вылететь — запросто. Стал за попу хватать. Уволилась. Поздно узнал. А что бы я сделал? Вы что бы сделали?... Какую-то — все сама! — контору нашла логистическую, командировки в месяц по несколько раз. Но и здесь руководство, видимо, не фонтан. Хотя б генеральный — баба, не станет хватать за задницу. Коэффициент интеллекта вдвое ниже, чем у моей Линочки. Не такой, однако же, маленький, чтобы этого не понять. Соответственно, и Линочка не обучилась еще всяким тонкостям. — Тренируйся, — советую, — доченька. Я тоже не круглый дурак, но как-то сумел приспособиться. Слюдьми, дочка, главное обращаться вежливо. Будьте взаимно вежливы. Ничто не стоит так дешево. Вежливость города берет. — Фу, папа, — отвечает, — не думала от тебя услышать подобные пошлости. Зачем ты

отдал меня на стратегический менеджмент? — А кем ты хотела, радость моя? Пиарщицей? Маркетологом? — Плачет: — Я любила на флейте играть, танцевать. — И где ты, прости меня, выступать собираешься? В ДК имени Ф.Э. Дзержинского? В храме Христа Спасителя?

Молодые люди ей нравились очень... размашистые. Помню болгарина: по пещерам лазил и подземным коммуникациям. Зачем вдруг болгарин? — Папа, ты против? — Нет, разумеется. Что у меня может быть против болгар?.. Ботинки огромные помню, черные, а самого бы, наверное, не узнал. Придет, сядет, ножищи вытянет и молчит. Спросил однажды его: — Отчего, молодой человек, как другие, в горы не лазите? — Горы отстой, — и всё. Почему я вспомнил-то про него?.. А Линочке не сидится: после болгарина устроилась за детками больными ухаживать. — Зачем, Линочка? Для этих целей специально обученные люди имеются. Смотри, как бы заразу какую не подцепить. Опять я не то сказал? В общем, стала взрослая дочь моя.

Понятно мне было, что скоро, скоро Линочка замуж выскочит. И вот вам. Вчера. Просыпаюсь, легко догадаться, не рано. Сидит у меня в ногах. Полностью экипирована: дорожный вариант. — Командировка? Опять? — Должна, папа, кое-что тебе рассказать.

Отреагировал на известие достойно, мне кажется, да и речь моя была заготовлена в общих чертах. — Надеемся, дочь, что счастливый избранник почтит нас в ближайшее время своим присутствием. Необходимо обсудить все аспекты предстоящего торжества и дальнейшего, так сказать, вместе с матерью, которая в настоящий момент, очевидно, находится на богослужении, да и с родителями жениха, буде таковые имеются. Рады предложить вам жилплощадь, загородный дом, бытовую технику, включая автомобиль, если будущий муж обладает навыками управления. И еще одно. Люди мы взрослые, современные, хотелось бы знать, не связано ли событие с определенными обстоятельствами?.. Пикантными. Ты поняла. Старался быть кратким, но не дано. Ну же, иди, обнимаю отца. — Сидит, не шевелится: — Если ты об этом, то я не беременна. — Брезгливо так. — Свадьба завтра в двенадцать. По вашему времени. Только мужа моего, я боюсь, вы нес скоро увидите, если он, конечно, не освободится с какой-то радости. — Он что же, работает в ящике? — Можно и так сказать. Колония номер такой-то, — и город мне назвала, никогда не слышал. Пять часов лёта, потом поездом, не наездишься. — Служит в охране? — Фыркает: — Вот еще, вышла б я замуж за вертухая. Нет уж. Он ээк.

А-а-а!.. Тут начались какие-то капельки, пшикалки, брызгалки. Умница, заранее все припасла, чтоб папаша лапы не склеил во цвете лет. Познакомились в социальных сетях. — А в тюрьме и социальные сети имеются? — О, чего в тюрьме только нет! — Нет! Не так. — На тюрьме. Как вам, а? Девочка моя говорит: на тюрьме!

Двести двадцать восьмая, наркотики. Семь с половиной лет. Химик он, делал опыты. Органический синтез. Такого насинтезировал... Как будто, рассказывал ей, родной человек обнимает тебя, прижимает к себе... — И ни малейшего привыкания. То есть какое-то есть... Как ко всему интересному. — Так за что он сидит? Просто так не сажают на семь с половиной лет. Торговал, наверное, продуктами своего синтеза? — Пожимает плечами: — Гениальность у нас не оплачивается. Надо же было на что-то жить. Не хуже, чем стратегический менеджмент. Нет, нельзя, чтобы пропадали такой талантливый человек. Ведь тут, если правильно подобрать количества, небеса разверзаются, тайны мироздания можно открыть. — И в чем же, любопытно мне знать, они состоят, тайны нашего мироздания? Менделееву, нам училка рассказывала, тоже во сне открылась какая-то химия. Этот, как выясняется, пробовал записать, по-всякому, много раз — и никак!

Но однажды все-таки вышло, сохранился листок с записью: «Всюду запах жженой резины». Запах жженой резины — вы представляете? Вот вам и тайна нашего с вами, так сказать...

Чему ты смеешься, Линочка? А она не смеется, плачет уже: — Он интересный, особенный, я нужна ему. Любит он меня, понимаешь? Пишет: нет во всем мире сейчас никого счастливей. А я?.. Хотя одного человека выташу. — Вот бы и... переписывались. Замуж зачем? — Нет, свидания только женам дают. Показала мне фотографию. Из социальных сетей. Хоро-ош... На артиста известного смахивает. Я забыл фамилию. И этого, химика, как звать, не спросил. Знаю, знаю таких. И вы тоже знаете. Всем пользуются, до чего могут рукой достать. Потрогать, понюхать, надкусить, съесть. Бывают, конечно, моменты у всех у нас... Но такие, как этот, используют всё. Вещи, людей. Цветочек растет — давай. Мою Линочку... *(Всхлипывает.)*

Не удержался, пустил слезу: — Напиши, как все кончится. Обещаешь мне? — Головой повела. — И матери не говори. Твой Менделеев не скоро еще откинется, правильно? А у мамы четвертая стадия. Когда тебя ждать? — Всхлипнул неловко так: — Или только на похороны?

Она помолчала немножко, сапогом рубашку мою — ап! рядом с кроватью валялась — тронула. — Папа, у тебя воротник весь в помаде. Цвета бордо. И на шее, вот тут. — Я рубашку схватил, бегом в ванную. — Сейчас, — кричу, — я сейчас! Объясню! — Через... буквально... вернулся — всё. Нет Линочки. Зря я, да, про четвертую стадию?..

Посидел, подождал. Позвонить попробовал. Деточка, ответь папе! Пока не поздно, вернись! Нет, не берет трубку, потом — абонент недоступен, дальше хуже — вызываемый номер не зарегистрирован. Концы в воду, где искать ее — в социальных сетях?

Завтрак себе приготовил. Стал завтракать. Все не то: пропал аппетит! Взад-вперед ходил. В прихожей ключи под зеркалом, Лина оставила. Никогда прежде сердца не чувствовал, а тут — нате вам: бух, потом снова — бух!

Люся вернулась, привела с собой экстрасенса. Надежда, специалист по снятию сглаза. Знаете? — для отчаявшихся, звонить круглосуточно. Серьезная, крупная женщина. Ботинки, как у болгарина, который к Линочке приходил. *(Неожиданно радостно.)* Вот почему я вспомнил-то про болгарина! Не до того мне, конечно, уже, чтобы ноги чьи-то рассматривать: сердце вот-вот остановится. Дай, думаю, схожу в поликлинику. Я же от предприятия к поликлинике прикреплен. Только вышел за дверь, слышу — Надежда: — Рак, — заявляет, — не рак, а быть вам, Людмила, вдовой. Ну как это?

Ой, братцы, сколько же я всего за последние сутки пережил!

Приняла меня тетя-врач. — Не беспокойтесь, кардиограмма хорошая. — А почему же оно стучит? — Наверное, на погоду. Или от позвоночника. У меня у самой голова целыми днями кружится. — А вдруг, — спрашиваю, — это что-то еще? — С «чем-то еще» — не ко мне, к психологу. — У вас и психолог есть? — По закону об оккультно-мистических услугах в здравоохранении — и психолог, и экстрасенс. — Экстрасенса мы уже проходили. — Тем более. Сходите к психологу. Очень востребованный специалист. Запишу вас. Утром у него, — говорит, — есть окошечко.

Кое-как до дома доплелся. Люська... Ни слова даже про Линочку. Как же ты все-таки, думаю, не заметила? Ты ведь мать... Твою мать. Извините, товарищи. Кажется иной раз, проще тяжелым чем-нибудь, чем с дурой такой... То есть — нет, разумеется, но вы меня поняли. Ужином ее покормил. Так, мол, и так, Люсаных, в командировку длительную отбыла наша Линочка. Капитанская дочь, не тебе объяснять. Сидит, смотрит, как мумия. В другом уже измерении...

Свет зажег, огляделся. Вещи все на своих местах, а без Лины — будто и не свои. Прямо не верится. Обычно воображаешь себе: ну, мамочка, она все-таки... скоро восемьдесят, Люся — тоже, смирился уже, но без Линочки — невозможно представить, нет! Обойдется, может? Всегда обходилось — мало я в ситуации попадал? Хотя Лина моя, если чего задумала... Мысль: а ну как решила она меня повоспитывать, попугать? Необыкновенная, конечно же, девочка, но кто уедет так — от всего? И снова — ключи. Ба-бах! *(Хватается за голову.)* Как если фуражку бы нахлобучили — номера на три меньше, чем у меня! Лег, только прикрою глаза — начинается... Возня, крики, прожекторá. Привести в исполнение! И — нож за ухо, туда, где артерия. Целую ночь промаялся, а ведь рано вставать, мне же сегодня с утра — к психологу.

Психолог... Тот еще кекс, согласны со мной? Такой... обходительный, на официанта похож, на позавчерашнего. — У меня сейчас, — говорит, — нету времени на всю историю, но случай ваш не представляется чем-то из ряда вон. Вы типичный патологический альтруист. Жить надо исключительно для себя, не заморачиваясь идеями всякими обсессивными, особенно что касается дочери. Слышали песенку? «Сердце красавицы склонно к изме-е-не и к переме-е-не, как ветер мая». У дочери вашей, дочурочки, — расстройство внимания с гиперактивностью. Это не я говорю, святая наука в моем лице. Впрочем, ведь я не ее консультирую. Выбросьте из головы. Вы и так слишком погружены в проблемы супруги своей и отца с матерью, а уж насчет детей — последнее дело расстраиваться. Как в самолете: кислородную маску сперва на себя надень, а потом на ребенка напяливай. Я потому с вами столь подробно беседую, что сам через это все проходил. Больничный вам выпишу: побойейте, порешайте кроссвордики — отдохнете, расширите кругозор...

Чего улыбаетесь? Вам тоже назначил кроссвордики? *(Удивленно оборачивается.)* А? Что? Нет, не Максим Валерьевич. Не помню, но точно как-то еще. Минуточку, так вы сами — относитесь к поликлинике? Нет? А как? Вы, что же, не прикрепленный контингент, получается? Просто с улицы? Музыканты, артисты, химики? Типа подполье культурное? Как я сразу не распознал?.. Чудеса. Ладно, не суть, гори оно, всего и осталось-то...

ГАМАЮНОВЫМ овладевает апатия. Он то ли выдохся, то ли охладел к слушателям. Конец исповеди дается ему с трудом.

Короче, он говорит: — Историю кому-нибудь свою расскажите. Вы не алкоголик случаем, нет? Жаль. А то общества анонимных алкоголиков теперь при каждом районе созданы. Анонимные — название одно: все там друг с дружкой вот так вот — повязаны. Как говорится, вась-вась. Знаете что, Гамаюнов? Идите-ка прямиком туда. Попроситесь как следует, люди они сердобольные, а как расскажете до конца, так и выяснится, что ничего в вашей истории нет ни страшного, ни особенного. *(После паузы.)* И последнее: фотографии дочери уберите куда-нибудь с глаз долой.

ГАМАЮНОВ снова достает фотографию Лины и долго смотрит на нее.

Тут мы на даче, купаем Линочку. Сколько здесь ей? Четыре, пять? Всегда просила меня эту карточку чужим не показывать: засмеют. А недавно увидела: — Все равно, пап, той девочки больше нет, это уже не я... С глаз долой?.. К чертовой матери!

ГАМАЮНОВ рвет фотографию, швыряет ее на пол.
Смотрит на то, что совершил.

Господи Боже мой... Нет, невозможно! Нет!.. *(Ползает по полу, собирает обрывки.)* А вот и проверим... Господи, сделай, чтоб Линочка передумала, чтобы у них разладилось! Ведь у тебя не бывает — «обжалованию не подлежит»? Чего тебе стоит? Я разве о многом прошу? Как в книжках — стихийное бедствие, маленькое — буран, метель. Кому я, в самом деле, подсказываю? Ну же, пожалуйста, прояви себя. А взамен... Даже не знаю, чего предложить. Ведь я никогда ни о чем не просил. Очень сложно, да? Просто вернулась, вошла. Я бы обнял ее... Вот так.

Телефон ГАМАЮНОВА издает трубные звуки.

(Обнадеженно.) Быть не может! Ой, да где? Где же он? *(Ищет в карманах, пытаясь найти телефон.)* Деточка моя, я сейчас, моя доченька, девочка... *(Находит наконец.)* Номер чужой, не Линочкин...

Телефон громко проигрывает «Свадебный марш» на органе: молодожены ограничились музыкальным сообщением.

Вот и ответ: ...*(неприличный жест)* тебе, Гамаюнов, видели? Мужики, да-вайте, что ли, по маленькой? Доставайте, ведь вы не с пустыми руками пришли. *(К женской части аудитории.)* Ну? Кто желает заделать со мной ребеночка? Новую девочку. А-ха-ха!..

Феликс — счастливый, удачливый... Смотрите, я только старался избежать неприятностей. Слушал, что говорят. И вас послушаю, что вы скажете. Короткий вопрос. За что? Люся, когда заболела, то тоже спрашивала. Сперва. За что, а? Дождешься от вас! Нет, но все-таки. Живешь себе: день за днем, день за днем. И тут — бах! За что, Господи?! Знаю, зна-аю, сейчас... Сейчас спросите: — Ты, Гамаюнов, на кого, сучара, обиделся?! Поц. На Господа Бога?! — Получается, да. — За что, за что Он со мной так поступил? О-о-о, больно как! Ма-ма!

ГАМАЮНОВ набирает номер матери.

Мама, мамочка, ты не волнуйся, пожалуйста... Не знаю, с чего... Ты не нервничай, только не нервничай. Накалай каких-нибудь капелек. Наша Линочка... С чем ты меня поздравляешь, мам? *(После паузы.)* Так ты знала?! Давно? Что? Когда вы все это задумали? Когда сговорились? Да помнишь всё ты отлично. Пожалуйста, не придуривайся. Какой еще Славочка? Как? Как фамилия? Он что же — грузин?! Ну-ка, мамочка! Да отличная память у тебя, превосходная! Фамилия, давай мне фамилию! Кто кричит? Я не кричу. Ты же слышишь неважно, мамочка. А Люська? Люська тоже все знала? Да или нет? Да или нет? А ну отвечай! А-а-а!

Прекращает разговор с матерью.

Съела меня! Как свиньи съедают своих поросят! Вы все, все всё видели! Сlopала, сожрала меня мать!

Куда все смотрели?! Враги человеку... Всюду враги. Дома враги. Пятая колонна. Предатели. Значит, так. Никому не прощу. *(Рыдает.)* Тебе, тебе только... *(Пишет сообщение.)* «Лина, дитя мое! Мать при смерти, я при смерти. Мы все при смерти!»

ГАМАЮНОВ отшвыривает телефон, с ненавистью оглядывает аудиторию.

«Куртизаны, исчадьє порока, / За позор мой вы много ли взяли...» Кому я это вообще всё?.. Алкашам? Гопникам? Только не надо, пожалуйста... Не жалейте меня. Знаю я сочувствие ваше ужасное. Скажете: тоже мне, да? — трагедия. Ничего, мол, особенного. Частный случай. Подумаешь: дочь у него замуж выходит за уголовника. У меня, дескать, аналогичное положение. — Да что мне, легче от того, что у тебя зять мудака?! Или сын... или дочь... не радуют. — Понимаем, мол. — Понимаете? Да ни хера вы не понимаете! Как вы смеете сравнивать мою дочь, мою Линочку, ангела, со своими засранцами?! Что?! Отвечать! В глаза мне! В глаза-а-а!

Лицо Гамаюнова перекашивается. Опускаются верхнее веко и угол рта. Говорит тихо, заплетающимся языком.

Так и крикнул бы, но не кричишь ведь. Киваешь. Молчишь. Давишься. Спасибо, спасибо вам... дорогие товарищи.

Звонит телефон. Гамаюнов хочет до него добраться, но тело его не слушается: отнялись рука и нога. Падает, продолжает тянуться к телефону. Вдруг замирает, приюхивается.

Чем? Чем пахнет? Жженой резиной. Всюду запах жженой резины. Чувствуете? Чувствуете? Чувствуете?..

Телефон звонит все настойчивей. Потом звонки прекращаются. Явственно ощущается запах жженой резины.